

Мерить жизнь полой мерой

Спектакли
Магнитогорского
театра
в Челябинске

С первых минут этого спектакля между сценой и зрительным залом устанавливается хороший контакт, чуткое взаимопонимание. В действующих лицах зрители узнают себя, своих товарищей и подруг. Театр касается одного из важных вопросов нашей повседневной жизни: речь идет о воспитании характера молодого советского человека, о беспощадной борьбе с пережитками прошлого. И конкретными носителями пережитков являются не какие-нибудь отвлеченные, книжные проповедники буржуазной идеологии, а люди, живущие бок о бок с нами.

Их немного. Но как они отравляют нашу жизнь, унижая человеческое достоинство, надругаясь над самыми светлыми чувствами, наглые рассчитывая посеять животный страх перед грубой, безрассудной силой!

...Молодые рабочие вагоностроительного завода сами построили себе общежитие. Всем понятна радость вселения в новое, благоустроенное жилище. Девушки готовят праздники повоселась. Эту сцену артистки Л. Антонова (Катя), Т. Красотина (Тамара), Н. Козинiec (Зина), Р. Гаврилова (Дуся) играют не принужденно, живо. Здесь особенно отличается мягким и милым юмором Т. Красотина. И вот в эту светлую и чистую атмосферу врываются Чубаров, большой известный по прозвищу Глухарь (артист Ю. Соболев) и Репа (артист Ю. Рубан). Внешне в этом нет ничего чрезвычайного. Они работают на этом же заводе, и хотя пришли незваными, не принесли «подарки» — водку для ребят и «красненькое» для девушек. Но как сразу все померкло с их приходом! А когда их попросили уйти, Глухарь затеял драку. Как свойственно паразитам этой породы, он не сам полез в драку, а заставил рукоприкладствовать Федю Лукашева, большого пар-

в хорошем темпе. Внутренние монологи, исполненные при помощи магнитофона, помогают показать раздумья героев, их душевные переживания. Актеры в большинстве своем молодые, играют увлеченно, искренне. Режиссер добился дружного, слаженного ансамбля.

Есть немало и актерских удач. Один из старейших актеров Магнитогорского театра В. Панаев остро и метко играет сатирическую роль склочника Баба. Обаятельны Р. Завалов в роли Шурки, Л. Антонова — в роли Катя, Ф. Рычков — в роли Воробьева. В игре Н. Козинiec (Зина), Р. Гаврилова (Дуся) привлекает искренняя непосредственность и достоверность.

Но, пожалуй, наибольшей оригинальности, яркости добиваются Т. Красотина (Тамара) и В. Муравьев (Федя Лукашев). Образы, созданные ими, не просто обаятельны и достоверны, но и наделены чертами своеобразия, художественной индивидуализации, то есть теми чертами, которые и позволяют актеру создавать полноценные сценические характеры. С этой точки зрения следует отметить и игру несомненно одаренного, опытного актера Ю. Соболева, ярко показавшего, что за напускной храбростью хулигана Глухаря кроется трусливая и низменная душонка.

Словом, театр сделал много для того, чтобы спектакль прозвучал наиболее впечатляюще. В известной мере он добился цели. Возлюбленный прием зрительного зала — яркое тому свидетельство. Но до полной творческой победы еще далеко. И повинны в этом прежде всего авторы пьесы. Произведение А. Зака и И. Кузнецова далеко от совершенства.

Драматурги избрали хорошую, нужную тему. Они правильно ставят вопрос о недопустимости равнодушия в борьбе с пережитками прошлого. Пьеса «Два цвета» («Вчера в Касаткине») позволила театру со-

здать спектакль, не оставляющий зрительный зал безучастным.

Но ведь пьеса — это произведение высокой драматической поэзии. И здесь мало избрать хорошую тему, поставить острый вопрос, надо еще найти яркую художественную форму, нарисовать неповторимые человеческие характеры, подняться до уровня широких обобщений. А этого как раз и недостает пьесе «Два цвета». Даже с точки зрения элементарной логики пьеса вызывает ряд недоуменных вопросов. И первый из них — почему Шурик Горев оказался убитым? Из посвящения, которым заканчивается пьеса, мы узнаем, что такой случай был в жизни. Но ведь случай этот имел место в определенных, конкретных условиях. А в пьесе эти условия не показаны. Шурик убеждает товарищей, что хулиганов нечего бояться, что это отбросы проявляет храбрость только перед трусами. Стоит всему коллективу смело и дружно взяться за дело, и хулиганы будут повержены. Но вот когда борьба с нарушителями приняла, действительно, широкий общественный размах, самый храбрый и умелый из дружинников вдруг оказался убитым.

Ненависть преступных элементов к Шурiku понятна. Понятна та предательская роль, которую сыграл в этом деле адвокат Родин. Но ведь не Родин руководил коллективом заводской молодежи, наставлял и опекал народных дружинников. А об угрозах Глухаря в адрес Шурки знали многие.

В самой роли Шурки заложено мало конкретных черт самобытного характера. Драматурги столь усердно наделили его всевозможными хрестоматийными добродетелями, что под их румянцем совершенно исчез живой человек. И, видимо, для того, чтобы возыметь Шурка, авторы принизили образы других дружинников. Почти все они написаны в добродушно-юмористическом плане. Рабочие текстильной фабрики Большой и Маленкины — фактически все время патрулируют только одну Верочку — кондуктора автобуса. Славка Мелешко в пер-

вое же дежурство сам подражал. Комический пустовой Яворов — тоже сомнительная гроза для хулиганов. Так что же все-таки поднимал знамя народной борьбы с нарушителями общественного порядка? Один Шурик? Не логично.

Не очень ясна и философская мысль пьесы. Аллегория о двух борющихся цветах — красном и черном, — во-первых, несамостоятельна, во-вторых, применительно к нашему времени — примитивна и наивна. А факты, затронутые в пьесе, заслуживают большого художественно-философского обобщения. Гражданское равнодушие, которое проповедует Родин, — не домysel домысленного вити. Это прямой отзвук враждебной капиталистической идеологии. Мертвавший автоматизм существования прививает молодежи пресловутый «американский образ жизни». Это, в частности, выразительно раскрывается в романе американского писателя Ричарда Фреда «Подъезд Е.». Герой его прямо так и утверждает: «Не надо поддаваться чувству и obeyать себя. Лучше ни во что не ввязываться».

Нечто похожее высказывает и Борис Родин в пьесе «Два цвета», когда он советует Шурiku «не принимать все близко к сердцу». Но откуда такие взгляды у молодого советского юриста, в пьесе не показано, природа и сущность их до конца не раскрыты.

Словом, тема пьесы давала все основания для создания философски глубокого, художественно яркого и совершенного произведения. Однако авторы не использовали эти возможности.

Что ж, могут сказать: и без всего этого пьеса позволила театру создать интересный спектакль, так не достаточно ли? Нет, недостаточно! При всех отмеченных достоинствах спектакль все-таки не перекрывает недостатки пьесы и не дает полного эстетического удовлетворения. Он возмущает так же, как, скажем, волнуют статьи в газетах на подобные темы. Но ведь газетные статьи никто не собирается ставить на сцене. Нельзя забывать, что даже самая большая тема только тогда

да глубоко овладевает умом и сердцем зрителя, когда она будет воплощена в совершенную художественную форму, в произведение подлинного искусства.

Театр, как уже было сказано, приложил много стараний к тому, чтобы спектакль звучал как можно ярче. Но и нельзя сказать, что его работа безупречна. Обратим внимание только на один факт. Почему, скажем, артист Ю. Соболев, играющий роль хулигана Глухаря, привлекает внимание зрительного зала к каждой своей реплике, к каждому жесту, а артист Г. Завалов, играющий роль главного героя пьесы, не достигает этого? И дело здесь не только в самом материале роли, но и в творческом темпераменте, мастерстве актеров, в четкости замысла постановки.

Каков же вывод? Пьесе присущи явные недостатки. Так что ж, не следовало ее ставить? Нет, ставить надо. Нельзя в пассивном ожидании безурочного произведения уходить от современной темы.

Магнитогорский театр правильно сделал, поставив пьесу «Два цвета». Выступления театра на сценах челябинских дворцов культуры и по телевидению еще раз подтвердили, с каким ненасытным интересом встречают зрители каждое новое сценическое слово о наших днях. Не следует только за этим частичным успехом терять перспективу дальнейшего роста. А путь этого роста лежит через решительные повышения требовательности как к драматургическому материалу, так и к сценическому творчеству.

Несравненный мастер нашей кинодраматургии Александр Довженко призывал мерить жизнь и смерть большой мерою. И когда драматург или театр рисует героя наших дней, будь это новатор производств, покорила космоса или рядовой дружинник, как в данном случае, — всегда и неизменно надо руководствоваться этой большой мерою: показывать советского человека, устремленного вперед, в коммунистическое будущее, крупным масштабом, во всем его величии.

В. ВОХМИНЦЕВ.